

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ...

РЕДАКТОР ВЫПУСКА
ЛЮБОВЬ КЛЮЕВА

ЛАДА МЯГКОВА,
ВЫПУСКНИЦА И ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
(1992–2000 ГГ.) КЛУБА ЮНКОРОВ
«ГАЙДАРОВЕЦ», ЧЛЕН СОЮЗА
ЖУРНАЛИСТОВ, МЕДИАПЕДАГОГ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Я совершенно не собиралась в журналистику. Готовилась к поступлению в Тимирязевскую академию, учила биологию и химию. До 10 класса. А потом... Нет, не так. Не совсем — потом. В седьмом классе началось то, что привело меня на журфак МГУ, и я оказалась на совершенно другой орбите. К счастью, думаю, конечно, к счастью...

А в седьмом классе нас свозили на экскурсию в Дубосеково, потом я написала сочинение и его опубликовали в «Калининградке». Было приятно, но — опубликовали и хорошо, и спасибо. А потом ко мне подошла старшая пионервожатая Лена и сказала: «Приходи в редакцию, в клуб юнкоров». А я ужас какая была занятая — и плавание, и танцы, и пионерские собрания, и металлолом с макулатурой. И опять же биология с химией. И не пошла в клуб юнкоров. Лена подошла ещё раз. Тут мне стало неловко, что человек так переживает, и я подумала: «Ну ладно, схожу».

ЮНКОРЫ, 1990-Е ГОДЫ

ЛАДА МЯГКОВА

Я это первое занятие помню до сих пор — Галину Васильевну Маркелову в углу за столом в кабинете на втором этаже и налево до конца. Потрясение. Сначала от того, что я с трудом понимала её речь, меня пугали её резкие движения, низкий смех и очень строгое лицо в очках с толстыми стёклами (она в детстве переболела менингитом и потом на всю жизнь осталась такой). Но! Потрясение номер два — как все её слушали, смеялись вместе с ней шуткам, обсуждали свои материалы. Она кого-то отчитывала, хвалила, расспрашивала про школьные дела и про сочинения. Всё по-взрослому, но как-то очень тепло, по-домашнему. Я сидела в углу у самой двери, страшно стеснялась и вдруг поняла, что хочу здесь остаться. Даже если у меня ничего не получится. С этими ребятами, с этой женщиной, в этой редакции. В другой жизни...

Я помню даже свою первую разминку. Это было потрясение номер три. Галина Васильевна дала начало истории и её конец — серединку нам нужно было придумать самим. Что-то там было про кошачьи следы. И я написала, само собой, про кошку. А оказалось, что можно было писать про всё что угодно — про инопланетян, сонную тетерю, первую любовь... Подумать и свернуть

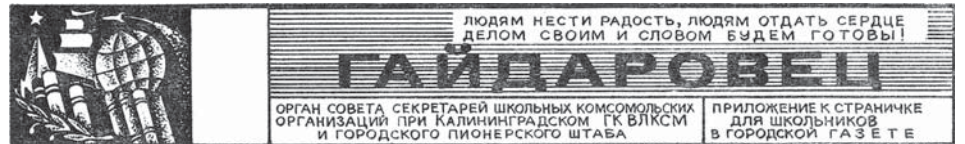
ФРУНЗЕ, 12 — ТОЧКА ОТСЧЁТА

совсем в другую сторону, не туда, куда вели эти следы. Непривычную, необычную — ту, которую ты выбрал сам. Так можно?!

И я осталась — как поняла потом, навсегда. В этой комнате налево до конца у самой двери. С ощущением удивительной какой-то лёгкости от того, что здесь ты можешь быть другой, искать и ошибаться, делать открытия и глупости, но быть интересной, смешной, понятной, любимой. К нам заглядывали и взрослые журналисты, рассказывали о своей работе, иногда просили помочь. На День печати мы вдохновенно готовили агитбригады, проводили в школах конкурсы «Рыцарей пера», организовывали работу пресс-центров, выпускали боевые листки и писали сценарии к слайд-фильмам. Эта жизнь была переполнена задачами, людьми и ощущениями, и это мне ужасно нравилось. Больше химии с биологией. И в десятом классе я собралась поступать на журфак. В школе многие крутили пальцем у виска — куда собралась, деточка, ты хоть понимаешь, что такое МГУ? Но Галина Васильевна сказала: «Лада, давай! И ничего не бойся...»

Наверное, всё-таки важно, что всё это началось именно в редакции — конечно, она была камерная, как и весь этот мой любимый двухэтажный квартал на Фрунзе и Маркса, не чета огромным муравейникам, в которых я работала потом. Но она была живая, настоящая и своя. И тот самый вопрос, на который нам нужно было ответить по поводу любого своего текста, он, мне кажется, просто жил в этих стенах: «Для чего ты это написал? Что хотел сказать, кого изменить?» Не можешь ответить — материала нет. Точка. Я по этому правилу живу до сих пор и своих нынешних учеников спрашиваю именно так. Поверьте, это работает.

Мы дружили с другими клубами юнкоров по всей стране — я помню совершенно феерические поездки в Калугу, Алма-Ату, Химки, Томск, Чебоксары, Харьков. Смены

в «Океане», «Артеке», «Орлёнке», международные фестивали и школы юных журналистов, международный журнал «FAX!» Наши ночные посиделки в редакции с друзьями на день рождения клуба, свечки, откровения, песни, смех, влюблённости. Я открывала для себя новый мир и новых людей. Новых друзей и единомышленников. И от осознания, что нас на самом деле так много, появлялась какая-то такая сила, что переделать этот мир казалось не таким уж и сложным делом. Ну... ладно, не переделать, но сделать лучше, светлее и мудрее.

На четвёртом курсе журфака, когда я заглянула в редакцию к тогдашнему редактору Надежде Кулаковой, она вдруг мне сказала — а не хочешь взять руководство клубом на себя, а то у меня не хватает уже сил со всем справляться?.. Галины Васильевны не было в живых уже несколько лет, но осмелиться занять её место мне казалось почти святотатством. А с другой стороны, было жаль, если бы клуба не стало... И я взялась. И это снова был вызов и страх, и вечные переживания, удержу ли я тот уровень. А ещё ведь девятые, бесконечные и не всегда удачные поиски денег на поездку, на газету, на подарки к конкурсам.

Это, правда, ещё и грустная страница в наших отношениях с редакцией. Они по-прежнему печатали нашу ежемесячную страничку, но от места, что называется, отказали. Многих сотрудников раздражали шумные и порой не совсем воспитанные подростки, а уж когда к ним в гости заглядывали личности в чёрных косухах с ирокезами на голове и пирсингом... В общем, в один из дней мы погрузили на санки на-

ши подшивки, альманахи, книжки и прочие сокровища и развезли по домам. Тогда было ощущение, что выгнали из дома. Сейчас понимаю, что, наверное, и правда было не до нас... А в той самой комнате поставили чудо-машину, которая на перфоленте печатала материалы в номер — это было очень круто и ужасно интересно, ведь будущее наступало прямо на наших глазах!

И диплом я печатала на редакционном компьютере, даже какие-то почти трёхмерные схемы умудрялась ваять в «Лексиконе», а параллельно смотрела, как Андрей Колесников осваивал «Корел Вентуру», первую настоящую программу вёрстки. Возможно, именно в тот момент я поняла, что мне интересны уже не столько сами тексты, а процесс выпуска — вот эта вся внутренняя кухня. И думаю, что я в душе даже больше выпускающий редактор, чем журналист. Для меня до сих пор самое волнительное ощущение — это когда из набора букв, картинок, линий, поисков и желаний постепенно рождается издание, которое потом ложится тебе в руки и восхитительно пахнет типографской краской. Ещё немного, и я бы ушла даже в полиграфию с головой, но... рядом не оказалось уже Галины Васильевны. А у меня, видимо, не хватило смелости. Хотя почти десять лет я преподавала на журфаке «Технику СМИ» и сейчас вполне сносно могу сверстать газету или книжку.

Я ничего не боюсь, дорогая Галина Васильевна, дорогая моя редакция и все-все мои учителя! Потому что жизнь изменить всё-таки можно, теперь на шестом десятке я знаю это точно. Просто нужно правильно выбрать точку отсчёта. Фрунзе, 12, второй этаж и до конца налево...